

Н. Н. Златовратский

Авраам

Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *Ю. В. Лебедев*

Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей 60--70-х годов XIX века / Вступ. статья и коммент. Ю. В. Лебедева. -- М.: Современник, 1986.-- (Сельская б-ка Нечерноземья).

OCR Бычков М.Н.

Лето я провел в одной деревеньке, верстах в двадцати от губернского города, значит -- "на даче", как говорят в провинции, хотя вся дача моя заключалась в светелке, нанятой за три рубля во все лето у крестьянина Аврама.

Абрам был мужик лет шестидесяти с лишком, высокого роста, довольно плотный, с широкою, сивою бородой и большими глазами, смотревшими из-под навеса седых бровей. Вообще, несмотря на лета, он очень сохранился; в нем не замечалось старческой дряхлости, но сам он, заметно, желал казаться дряхлее, изредка побряхтывая, пощупывая свою поясницу и горбясь более, чем, может быть, следовало. К такому невинному "остариванию себя", если можно так выразиться, он стал прибегать с тех пор, как вырастил и пристроил сыновей и почувствовал, что страда крестьянской жизни, которую он тянул в продолжение полувека, как будто отлегла от него. Он вступил уже в число "стариков", в этот ареопаг крестьянского мира¹. Не кряхтеть и не горбиться было нельзя, это требовалось для поддержания неотъемлемо принадлежащих этому званию прав: права сидения под вечер на завальне у общинной житницы, среди седовласых сверстников в нахлобученных по уши шляпах-гречневиках, права неторопливых и солидных рассуждений на темы, что "без бога ни до порога", что "обычай блюди", что "старики на душу греха брать не станут" и т. п., наконец, права выпивания с подобающею важностью штрафной косушки, с приличными насчет штрафованного изречениями. Этого, впрочем, показалось Абраму недостаточно; ему хотелось закрепить за собой право не только на звание "старика" просто, но еще и "благомысленного старика", носителя и хранителя старозаветных "дедовских" преданий, исконной морали и обычного культа. Вот почему, отделив младшего сына, выдав замуж дочерей и приведя, таким образом, согласно вековым традициям, к вожделенному концу все, что требуется по идеалу обстоятельного крестьянства, Абрам сказал детям: "Ну, родные, потрудился я для вас довольно; теперь надо мне и для своей души потщиться, сколь моей силы хватит. Пора и об душе дать старику подумать". Решив таким образом, Абрам пошел к священнику и принял от него благословение в путь за сбором с доброхотных дателей на украшение местной убогой церкви. Сбирал он, ходя по святой Руси, три года, и только месяца за два до того, как я познакомился с ним, вернулся в свою родную деревню. Теперь он уже был вполне "благомысленным стариком", почитаемым причтом, с батюшкой во главе, выбранный миром в помощники церковного старосты и в десятские своей деревни, он мог мирно доживать свой век, являя собою перед молодым поколением деревни тот идеал мирного и трудового крестьянского жития, который осуществил он в своей жизни.

Жить мне у Аврама было хорошо, покойно. В семье его старшего сына Антона, с которым он жил по уговору вместе, по отделении младшего, была "истинно райская тишина", как выражался он. Действительно, его сын Антон и невестка Степанида были очень мирные люди, молчаливые, добродушные.

Преимуществом вставать раньше всех, со вторыми петухами, как известно, пользуются в деревнях старики, чем они обыкновенно и любят кольнуть глаза своим молодым невесткам. Но этим преимуществом редко удавалось похвастаться Абраму. Антона не приходилось ему будить. Когда еще старик начинал только кряхтеть на печи и расправлять свои старые кости, Антон большею частью уже поспевал умыться, разбудить жену. А когда показывался первый бледноватый свет, он уже выезжал из деревни, первый размахивая вереею в околище, молился на видневшуюся вдали колокольню погоста, надевал шляпу, тихо и ласково вскрикивал на лошадь и, торопливо шагая, пропадал вместе с нею в густой мгле стоявшего над потным, болотистым лугом утреннего тумана. Когда же Абрам наконец соскакивал с печи и, почесываясь, подходил к окну, чтобы справиться о погоде, у Степаниды уже ярко горело и трещало на очаге пламя и кипел в чугуне картофель. Пока дед молился, кладя истово, "по старине", низкие поклоны, на улице раздавался пастушеский рожок, хлопанье и скрип ворот, рев